

3. О безопасности : федер. закон от 5 марта 1992 г. № 446-1.
4. Поздняков Э. А. Политика и нравственность. М., 1995. С. 20–26.
5. Коукер К. Сумерки Запада. М., 2000. С. 206.
6. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура : пер. с англ. / науч. ред. Шкаратан О. И. М., 2000. С. 110.

УБЕЕВА О. А.

ГОРОДСКАЯ СОЦИАЛЬНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ БУРЯТИИ 20-Х ГГ. XX В.

Целенаправленные политические и экономические преобразования в стране отразились коренным образом на перестройке социальной структуры общества, которые вели к серьезным изменениям численности, внутреннего состава всех основных слоев городского населения, трансформации всей городской структуры в новое качество – социалистическое, что и являлось важнейшей задачей государственной стратегии, проводимой коммунистической партией и правительством. Переписи 1920-х гг. и другие документальные материалы позволяют зафиксировать динамику этих перемен.

Статистический материал в переписях 1920-х гг. систематизировался по следующим социальным категориям: рабочие, служащие, прислуга, лица свободных профессий, хозяева с наемными рабочими, хозяева, использующие труд членов семей, хозяева-одиночки, безработные, деклассированные. В каждой из названных категорий выделялись еще более мелкие группы по профессиям, положению в занятии, занимаемой социальной нише в сфере общественного производства. Подобная дробность социально-профессионального состава не способствовала выявлению четкой социально-классовой структурированности городского населения, но в то же время данные позволяют отследить и провести группировку сведений именно по классовому признаку, т. е. по отношению к средствам производства, роли в общественной организации труда, способу получения и размеру получаемого дохода. По этим признакам определялись основные элементы социальной структуры городского населения Бурятии.

Городское население в современных территориальных границах Республики Бурятия проживало в Верхнеудинске (г. Улан-Удэ) и рабочем поселке Нижняя Березовка, Троицкосавске

(г. Кяхта), Баргузине (с 1925 г. пос. Баргузин). Общая численность городского населения составляла в 1917 г. 36,3 тыс. человек [1].

С образованием в 1923 г. Бурят-Монгольской автономной республики значительно возросла не только общая численность, но изменилась и структура населения. В первые годы восстановительного периода происходят изменения в социальной структуре советского города. Во всей сложности и противоречивости она нашла отражение в материалах городской переписи 1923 г., Всесоюзной переписи населения 1926 г., Всесоюзной переписи населения 1939 г. Основываясь на этих материалах, рассмотрим соотношение различных классов и социальных групп самодеятельного населения городов Бурятии в 20-е гг. XX в.

Статистические данные отразили существенные изменения, которые произошли в социальном составе населения от 1920-х гг. к 1930-м гг. Как видно из таблицы, в 1920-е гг. в Бурятии, как и в РСФСР, основную массу городского населения составляли самостоятельные хозяева («хозяева с наемными рабочими», «хозяева с помогающими членами семьи», «хозяева – одиночки»), занятые только в сельскохозяйственном производстве и кустарном промысле. Все вместе взятые хозяева составляли в 1923 г. около 33,8 %, а вместе с помогающими членами семьи 88,9 %, в 1926 г. – 26,6 % и 84,6 % [2]. Данный факт можно объяснить тем обстоятельством, что страна на тот момент была слабо урбанизована, индустриализация только начиналась, и Бурятия не являлась исключением из правил. Даже по данным переписи 1926 г. в РСФСР рабочие достигали всего 7 % [3] от всего населения, а служащие – немногим более 5 % [4]. Отмечены в переписи деклассированные (нищие, беспризорные, проститутки), большое число безработных.

В самодеятельном населении существенно преобладают мужчины; женщины сравнительно слабо вовлечены в общественное производство – $\frac{3}{4}$ мужчин, среди служащих их примерно столько же; лица свободных профессий, кроме прачек и акушеров, – тоже преимущественно мужчины, женщины встречаются редко (в основном это вдовы в пожилом возрасте) [5]. Несколько больше лиц женского пола среди помогающих членов семьи (почти 68 %) [6], они составляли почти половину всех безработных и деклассированных.

Лица в молодом и среднем, самых трудоспособных возрастах, были сосредоточены среди рабочих и служащих, хозяев-

одинок. Много подростков и молодежи среди деклассированных, молодые люди до 30 лет составляли половину всех безработных [7]. Хозяева с наемными рабочими и хозяева с помогающими членами семьи имели пожилой возрастной состав. Также представители данной возрастной группы встречались среди иждивенцев (0,06 %) [8] и деклассированных.

Таблица

Социальный состав населения Бурятии по городской переписи 1923 г., Всесоюзной переписи населения 1926 г. (в %) [9]

Социальные группы	1923 г.	1926 г.
Рабочие	3,5	7,9
Служащие	5,3	5,9
Лица свободных профессий	0,1	0,1
Хозяева с наемными рабочими	0,8	0,8
Хозяева с помогающими членами семьи	30,5	23,0
Хозяева – одиночки	2,5	2,8
Помогающие члены семьи	55,1	58
Деклассированное население	0,2	0,2
Безработные	1,8	1,4
Прочее население	0,2	0,2
Всего	100	100

Незначительную часть городского населения составляли рабочий класс и служащие. В основном они были задействованы в 20-е гг. XX в. в государственном секторе хозяйства. Кооперативный сектор в промышленности и торговле был крайне слабым. Часть рабочих и служащих работала в торговле [10]. Основная масса самостоятельного населения к 1930-м гг. занята в расширенном государственном секторе хозяйства.

С момента образования республики происходит заметное увеличение всего городского населения, прирост которого был однозначно неравномерен в своем процессе. Данное явление объясняется началом интенсивного восстановления всего хозяйства и создания базовой основы промышленности, а в силу этих причин и большим притоком населения в города. Рост городского населения был связан в то время в значительной мере с интенсивным развитием отхода сельских жителей на заработки. Если в условиях 1917–1922 гг. усиливалось движение населения из городов Бурятии, то период с 1923 по 1939 гг. (в связи с проводимыми модернизационными мероприятиями в экономике) был перио-

дом нарастания отхода из деревни в город. Удельный вес горожан поднялся за период с 1931 по 1937 гг. с 10,4 % до 24,6 % [11]. Ежегодно численность городского населения увеличивалась на 16,5 % [12]. При этом следует отметить, что систематический учет переселенцев в первой половине 1930-х гг. не велся, поэтому можно предполагать, что быстрый рост городского населения был вызван миграцией.

Особенностью структуры городского населения того времени была связь горожан с землей, которая характерна для всех социальных групп города. Но если рассматривать подобное явление 1920-х гг., то определенно выявляется, что категория «хозяев» связана с землей теснее всех других социальных категорий. «Хозяева с помогающими членами семьи», «хозяева с наемными рабочими» и «хозяева-одиночки» не только владели и обрабатывали собственные подсобные хозяйства в городе, но еще участвовали в полевых работах и в деревне, в отличие от остальных социальных групп. Прочная связь с землей существовала у лиц свободных профессий, владеющих наделами: 58 % семейных и 29 % одиноких обрабатывали землю [13]. Слабее связь с землей выражена у рабочих: лишь 9,8 % семейных и 23 % одиноких обрабатывали земельные наделы [14]. Это самый низкий показатель среди всех категорий населения, так как даже служащих, использовавших землю, насчитывалось 30,1 % и 44,5 % [15].

В первой половине 20-х гг. XX в. доминирующей составной социальной структуры городского населения являлся мелкобуржуазный элемент. Хотя в целом политика ограничения и постепенного вытеснения по отношению к данным представителям продолжала проводиться, развернутое наступление на частный капитал было начато и осуществлено несколько позднее. В этих условиях, будучи далеко немалочисленной категорией в составе городского населения, «хозяева» сохраняли свою численность и свой удельный вес. Так, хозяева с наемными рабочими, представлявшими самую активную, предпринимательскую часть горожан Бурятии, сохранили свою численность в сравнении с 1923 г., в 1926 г. составив 0,8 % от всего самостоятельного населения городов Бурятии [16]. Часть торговцев, входившая по переписи в состав «хозяева с помогающими членами семьи», уменьшается по численности и по удельному весу, хотя и менее значительно. Сокращение их по абсолютной численности составило по сравнению с

1923 г. 2,3 %. Однако при учете удельного веса этой категории населения даже подобное сокращение было заметным, поскольку представляло 1/5 всего городского населения.

В социальной структуре городского населения также можно вычлнить и слой рантье, который к концу 1926 г. составил около 1,2 % городского населения. По стране в целом этот слой был несколько меньше, хотя к 1926 г. порядком увеличился и составил 0,1 % [17]. Таким образом, оставаясь по-прежнему самым значимым слоем городского населения, численно он не возрстал, как предпринимательская часть.

Учитывая все эти группы, представленные в переписи, можно сказать, что данные категории, несмотря на существующие условия 20-х гг. XX в., в численности кардинальным изменениям не подверглись.

Причем в городах Бурятии устоявшейся группой являлись «хозяева», связанные с кустарной промышленностью и торговлей, тогда как в промышленно развитых районах увеличению подверглась группа «хозяев», занятых в сельскохозяйственном производстве. Связано это было с тем, что в городах последней группы частнику приходилось конкурировать с крупной многоотраслевой государственной промышленностью, которая быстро восстанавливалась в этих районах и более успешно теснила мелкобуржуазный элемент. Это в значительной мере мешало развртыванию частной предпринимательской деятельности, в том числе и мелкой кустарной промышленности. Хотя частник в этих условиях пытался искать лазейки для развртывания своей предпринимательской деятельности. Проще и надежнее было укреплять позиции в сельскохозяйственных занятиях, тем более, что контролировать деятельность частника в этой области оказалось значительно сложнее.

Во второй половине 20-х гг. XX в. численность мелкой буржуазии все-таки претерпела изменения. Сопоставление двух переписей населения 1923 и 1926 гг. дает возможность сделать интересные наблюдения не только о количественных, но и о качественных изменениях этого класса. Различные его группы изменялись неодинаково. Тенденция к сохранению численности объясняется заботой о его экономическом положении в связи с политикой поддержки мелкого кустарного производства со стороны Советского государства в 1920-х гг. Учитывая динамику всех групп

мелкобуржуазной среды, можно сказать, что в целом удельный ее вес в социальной структуре городского населения продолжал оставаться заметным, достигая 1/3 от всего самостоятельного населения городов Бурятии.

В структуре городского населения Бурятии определенное место занимали и безработные, составлявшие около 1/5 от всего населения Бурятии, тогда как в СССР в целом их в 1926 г. насчитывалось 900,4 тыс. человек [18]. Большая часть безработных в городах республики имела стаж работы от года и выше, лишь 11 % среди них искало работу впервые [19]. Материалы переписи дают возможность проанализировать социальный состав безработных. На 64,5 % [20] это были рабочие и служащие. Остальная часть безработных была представлена бывшими «хозяевами». Отходники из деревень, прибывшие в город в поисках работы, насчитывали всего 13,8 % [21]. В 1926 г. в городах безработица имела длительный хронический характер: четвертая часть безработных не имела работы свыше года (среди рабочих – 18 %, а среди служащих – 20 %) [22]. Таким образом, безработица была еще очень острой и сложной проблемой.

Однако по сравнению с 1923 г. наметилась тенденция к ее сокращению. Абсолютная численность безработных уменьшилась на 0,4 %. Следует отметить, что сокращение безработных среди городского населения шло более медленными темпами, чем по стране в целом, где сокращение безработных составило 2,3 %. Однако необходимо отметить еще и тот факт, что удельный вес среди самостоятельного населения заметно сокращается, что связано, видимо, с неинтенсивным притоком в города населения из деревень.

Численность деклассированных элементов не подверглась изменениям, и на удельном весе этой категории населения это не отразилось. Причины подобного явления кроются в пополнении категории за счет притока отходников из аграрного сектора.

Группа иждивенцев, входящая в категорию прочего населения, возрастает. Их прирост был довольно значительным – 3,8 %. Необходимо отметить возросшее число учащихся, получавших пособия – 5,9 % [23].

Несмотря на то, что сдвиги в абсолютной и относительной численности классов и социальных групп городского населения Бурятии на первый взгляд невелики, их направленность говорит о глубинных процессах, протекавших и в социальной структуре

городского населения 1920-х гг. Прежде всего, важно отметить, что дальнейшее укрепление и развитие ведущего в экономике республики социалистического уклада в ходе восстановления народного хозяйства вызвало повышение в структуре городского населения удельного веса связанных с ним рабочих и служащих, которые имели высокие темпы прироста. С другой стороны, до начала 30-х гг. XX в. наметилась тенденция к уменьшению лиц свободных профессий, групп безработных и деклассированных элементов. Направление и темпы изменений в численности отдельных классов, социальных слоев и групп самостоятельного городского населения от 1920-х гг. к 1930-м гг. были различны: для одних классов и социальных слоев характерным являлось увеличение численности, для других, наоборот, резкое сокращение.

Примечания

1. Подсчитано по: НАРБ. Ф.р. 196. Оп. 1. Л. 15–19; Оп. 13. Л. 1, 6–9, 25, 61–64.
2. Там же.
3. НАРБ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2105. Л. 3.
4. Подсчитано по: НАРБ. Ф.р. 196. Оп. 4. Д. 101. Л. 5, 10, 15, 18.
5. Там же. Д. 104. Л. 9.
6. Всесоюзная перепись населения 1926 года. Т. XXXIV. С. 2–3.
7. НАРБ. Ф.р. 248. Оп. 2. Д. 43. Л. 19–21.
8. Всесоюзная перепись населения 1926 года. Т. XXXIV. С. 172.
9. Там же.
10. НАРБ. Ф. Р. 196. Оп. 1. Л. 23, 25, 37, 38–40; Оп. 13. Л. 1, 6–9, 25.
11. Там же.
12. Там же.
13. ГАРФ. Ф. 382. Оп. 7. Д. 399. Л. 9–9 об.
14. Там же.
15. Там же.
16. Коржихина Т. П., Фигатнер Ю. Ю. Советская номенклатура: становление, механизм действия // Вопр. истории. 1993. № 7. С. 37.
17. НАРБ. Ф. 1-П. Оп. 1. Д. 124. Л. 2–2 об.
18. Там же.
19. Очерки истории бурятской организации КПСС. Улан-Удэ, 1970. 133 с.
20. Бурят-Монгольская правда. 1932. 20 июня. № 143 (2722).
21. Рабочий класс Бурятии (1917–1985). Улан-Удэ, 1999. С. 40–41.
22. Митупов К. Б.-М. Становление социалистической социальной структуры Бурятии 1938–1960 гг. Новосибирск, 1986. С. 42.
23. Там же. С. 52.